

ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ АСТАНА В СИБИРИ КАК ИЕРОТОПИИ: САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

А.Г. Селезнев

В статье реализуется методология изучения традиционных исламских святынь сибирских мусульман астана как иеротопий. Выявляются факторы и условия формирования сакральных пространств. На примере одного из наиболее ярких святынь сибирских мусульман — Тюрмитянской астаны анализируются такие компоненты иеротопии, как оформление сакрального пространства, сотворение локального мира, связь времен и поколений, легитимация включенности в сферу священного.

Сибирь, ислам, культовые комплексы, иеротопии, тоболо-иртышские татары.

Важнейшим компонентом религиозной исламской культуры в Сибири являются мусульманские культовые комплексы сибирских татар — астана. Эти памятники распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области, а именно в Тобольском, Уватском, Вагайском, Ялуторовском районах Тюменской области, Усть-Ишимском, Тевризском, Знаменском районах Омской области. Астана расположены на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне астана, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять — девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб — не единственный вариант внешнего оформления таких святынь. Некоторые из них могли «приурочиваться» к каким-либо выделяющимся на местности природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т.д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако, какой бы ни была форма, содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих астана — места захоронений мусульманских святых (*йахшилар, аулийалар, амбийалар и хайбиреннер*). Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются *астана*. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Проведенные в последние годы углубленные полевые исследования астана, расположенных на территории расселения тоболо-иртышских татар, показали, что, по сути, это не только и даже не столько видимый, овеянный временем памятник, сколько сложный, поликомпонентный социально-религиозный институт, состоящий из ряда компонентов: мавзолея, ритуалов паломничества *тавал*, смотрителей за гробницей (*астана-караулче/карулче, астана-курайте*), рукописных памятников *сэцэра (шэджэрэ)*, содержащих более или менее полные сведения о местах захоронений и тех святых подвижниках, которые на них похоронены [Селезнев и др., 2009, с. 101–152].

На рубеже XX–XXI вв. роль института священных мест астана повышается. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах деревянных мавзолеев стали важным элементом самоидентификации тоболо-иртышских татар. Расширяется практика коллективных паломничеств, молитв и жертвоприношений, связанных с астаной. Одновременно происходит возвышение статуса представителей религиозной элиты, связывающих свое проис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы), проект № 12-31-01043.

хождение с похороненными святыми подвижниками [Селезнев, Селезнева, 2012, с. 216–223; Seleznev, Selezneva, 2011].

Слово «астана» персидского происхождения. Родственные термины *астана*, *остон*, *астане*, довольно широко распространены в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья, причем везде они связаны с культом святых в исламе. Наиболее полные аналогии имеют место на Памире, среди местных исмаилитских групп, где святилища вокруг гробниц святых подвижников назывались «остон». Аналогичная терминология со схожей семантикой функционирует в ритуальной практике ряда суфийских орденов: маулавийа, бекташийа [Селезнев, Селезнева, 2009]. Кроме примеров, приведенных в специальной статье [Там же, с. 353–354], в этом последнем значении данный термин получил распространение как непосредственно в Стамбуле и анатолийских городах [Lifchez, 1992, p. 76; Şimşekler, 2007, p. 150–151], так и среди специфических исламских групп, например гетеродоксных мусульман (бекташи и кызылбаши/алевиты) в Болгарии [Миков, 2007, с. 39].

В то же время с точки зрения религиозной феноменологии исламские святилища тоболо-иртышских татар представляют собой сложный структурно-семантический комплекс, для анализа которого, на наш взгляд, могут быть применены методологические принципы, заложенные в относительно новом направлении антропологического и культурологического знания — иеротопии. Термин построен по принципу сочетания греческих слов «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство, понятие). Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества. В настоящее время ведутся активные поиски по определению методик и границ исследовательского поля в рамках указанного научного подхода. По словам автора концепта российского историка культуры А. Лидова [2009, с. 12], «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который... вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром». Для определения понятия «сакрального пространства» чаще всего обращаются к наследию выдающегося антрополога и культуролога Мирча Элиаде [1999, с. 337], широко использовавшего понятие «иерофании». «Любая... иерофания преобразует место... и оно, до того простое, пустое, ничего не значившее — профанное, становится священным». Надо полагать, что именно творческий процесс превращения профанного, мирского в сакральное, в иерофанию, и есть предмет иеротопии. Данный подход открывает новые грани астана как модуса национально-религиозной идентичности, а также как важнейшего компонента мусульманской сакральной топографии [Трепавлов, 2011, с. 111–113]².

Приведем для примера историко-культурные данные по одному из важнейших исламских памятников в Омской области — Тюрмитякской астане. Полевые материалы по данному комплексу собирались в деревнях Ашеваны и Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области Среднеиртышской этнографической экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского в течение нескольких полевых сезонов начиная с 2004 г. Разумеется, эти работы

² Здесь уместно остановиться на критических замечаниях в наш адрес, прозвучавших со стороны А.К. Бустанова. Он обвиняет нас в приверженности советской традиции разделять «народную» и «литературную» форму ислама. При этом автор отмечает, что ислам представляет собой гибкую систему, целостный феномен, к которому не применимо разделение на «ежедневный» и «официальный», а также выделение «доисламских элементов» [Bustanov, 2011, p. 71–72]. С этими положениями трудно спорить, удивление вызывает лишь адресат критики. Странно, что оппонент не заметил четкое и недвусмысленное определение нашего подхода к данной проблеме: «Методологически чрезвычайно важно, что религиозное сознание всегда должно рассматриваться как цельное, нерасчлененное мировоззрение, как единая и, в своем роде, стройная система взглядов и верований. В этой связи следует исключить всякую возможность ретроспекции сугубо исследовательской процедуры выделения “доисламских”, “дохристианских” и прочих подобных элементов традиционного мировоззрения на реальную практику духовной жизни конкретных носителей этого мировоззрения» [Селезнев и др., 2009, с. 7–8]. Опираясь на этот базовый принцип изучения религиозной идентичности, мы и подходим к анализу конкретного материала. В то же время следует учитывать, что принцип целостности и единства ислама не есть абсолюте. Реализация этого принципа не исключает, а как раз предполагает наличие региональных, в определенной мере синкретических форм, тесно связанных с местной традицией. Игнорирование этих особенностей неизбежно влечет искажение сложной и многоцветной картины народного мировоззрения. Считаем также важным этическим долгом подчеркнуть, что ставшая в последнее время модной критика советского востоковедения (см., напр., [Коренько, 2000, с. 48]) ни в коей мере не должна заслонять его выдающихся научных достижений.

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

включали в себя посещение и натурное обследование как самого памятника, так и сформированного им сакрального пространства [Селезнев, Селезнева, 2008]³.

Анализируя полученный материал, мы пришли к выводу, что тюрмитякский культовый комплекс удивительно насыщен явлениями и свойствами, иллюстрирующими феномен иеротопии. Наиболее рельефно в данном случае проявляются такие элементы, как *оформление сакрального пространства, сотворение локального мира, связь времен и поколений, легитимация включенности в сферу священного*. Рассмотрим каждый из этих элементов отдельно.

Оформление сакрального пространства. Начать следует с феномена сакрализации места, включения объекта в освященный пространственный контекст. Памятник расположен в 1,7 км к северу от д. *Тюрмитяки (Оллы-бурень)* Усть-Ишимского района Омской области на берегу живописного озера с примечательным именем *Астана-бурень*. Это озеро известно также как Оллы-бурень, отсюда происходит неофициальное наименование деревни. Озеро является старицей Ишима, в центре его находится округлый полуостров (в половодье превращающийся в остров), называемый местными жителями *Астана-утрау* (рис. 1). На полуостров в начале 2000-х гг. совершались коллективные паломничества, сопровождавшиеся молениями и общими трапезами. Озеро свято, по некоторым данным, в нем запрещено брать воду и рыбачить. Жители окрестных русских деревень также называют озеро *Святым*. Информаторы сообщают, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен сам перемещаться с места на место. Говорят, что в 1960–1970-е гг. властями было решено камень, как объект религиозного поклонения, вывезти, однако накануне он таинственным образом исчез.

Рис. 1. Озеро Астана-бурень рядом с исламским культовым комплексом астана у д. Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области

Из деревни и со стороны дороги к астане ведет тропа, пролегающая через густой хвойный лес, вдоль всхолмлений, представляющих собой старые могилы или какие-то иные археологические объекты (рис. 2). Часть пути к святилищу проходит по кладбищу. Мы специально обращаем внимание на психолого-эстетический аспект: круглая чаша озера, округлые очертания полуострова в центре, густой сосновый бор, едва пропускающий солнечный лучи по берегам,— все это невольно создает у паломника особый эмоционально насыщенный настрой.

В настоящее время сооружение представляет собой четырехугольную ограду из штакетника. Астана располагается в пределах одного из двух деревенских кладбищ, протянувшегося вдоль берега озера. Второе кладбище деревни находится вдали от этих мест за дорогой. Интересно, что оба кладбища д. Тюрмитяки четко различаются по *тугумам* — родственным группам. Умерших из тугума с характерными названиями *йахшилар* или *астаналар* (т.е. имеющие отношение к святому месту, астане) хоронят на кладбище, рядом с которым находится астана.

³ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность членам экспедиции, принимавшим участие в исследовании: И.В. Беличу, И.А. Селезневой, М.М. Воеводину.

Сотворение локального мира. Места вокруг астаны овеяны архаичными преданиями, объясняющими происхождение окружающих ландшафтных объектов: озер Астана-бурень и Уват, р. Вертенис, выделяющегося на местности трапецевидного останца первой надпойменной террасы левого берега Ишима, примыкающего к священному озеру. Согласно одной из легенд, некогда жила огромная диковинная птица, громко хлопавшая крыльями, распугивавшая зверей и причинявшая немало зла людям. Молодой охотник поразил ее копьем. Смертельно раненное чудище, из тела которого текла кровь и вываливались внутренности, пыталось улететь, но рухнуло наземь, что привело к образованию озера Уват, а выпавшая при этом кишка превратилась в извилистую речку Вертенис — левый приток Ишима. По другому варианту, отважный богатырь выстрелом из лука поразил летящую при помощи волшебных лыж колдунью, местом захоронения которой стал «курган» — упомянутый выше останец. Согласно еще одной версии, волшебные лыжи принадлежали богатырю, павшему в единоборстве с соперником и захороненному в «кургане».

Рис. 2. Путь к культовому комплексу астана у д. Тюрмитяки Усть-Ишимского района Омской области

Еще одна легенда гласит, что озеро Уват, речка Вертенис и холм вблизи его устья сходным образом возникают после того, как богатырь Ир в схватке поверг могущественного Хозяина Округи, имя которого ассоциировалось с ветром из-за сверхъестественной способности гнуть и ломать деревья [Данченко, 2010, с. 47–48]. В другом варианте:

«Жил когда-то здесь хозяин всех рек и ветров. Он всем повелевал. Когда он был зол, реки выходили из берегов, деревья к земле пригибались. Он жил и властвовал в этой местности. Но пришел храбрый Ир. И в сражении победил хозяина ветров. Куда отлетела его голова — образовалось озеро («Святое озеро» (= Астана-бурень. — А. С.)), куда упала изогнутая рука — там земля прогнулась и образовалась река (р. Вертенис). А из самого тела — холм... (останец. — А. С.). Потому и местность здесь такая необычная» [Козлова, 2006, с. 130].

Приведенный легендарный цикл относится к наиболее архаичным, архетипически восходящим к мифам о первотворении [Там же, с. 131]. Видимо, к этому же циклу надо отнести и мифологические рассказы о передвигающемся, бродячем камне. Укажем для сравнения хотя бы на знаменитый Синь-камень Плещеева озера, согласно преданиям имевший обыкновение расти и самостоятельно передвигаться по земле и по дну озера. Такие камни зачастую мыслятся в центре сакрализованного пространства, связаны с культом мертвых [Виноградов, Громов, 2006, с. 127–129; Дубов, 1990, с. 101–103]. Камни как объект ритуальной практики сибирских

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

татар получили освещение в специальном исследовании [Ожередов, 2006, с. 226–228]. Так древнейшие мифологические мотивы органично вплелись в иеротопию мусульманского культового комплекса.

Связь времен и поколений. Элементы ландшафта способствуют и *сакрализации исторического времени*, олицетворенного в неразрывной связи с предшествующими поколениями людей. В таком контексте кажется не случайным, что кладбище и астана располагаются вблизи ряда археологических памятников разных эпох. Особенно заметно на фоне местного ландшафта городище Вертенис I (Тюрмитяки VII). Оно расположено в 1,8 км к северу от д. Тюрмитяки на упомянутом выше трапециевидном останце первой надпойменной террасы левого берега Ишима. Южный фас останца выходит непосредственно на оз. Астана-бурень. В 1970-е гг. на городище были произведены археологические раскопки. В юго-восточной части зафиксирована система укреплений из двух валов и рва. В состав находок из жилого помещения или мастерской входили фрагменты глиняной потчевашской посуды, куски шлака, железные ножи, бронзовые пронизки и перстень, стеклянные бусы и костяные наконечники стрел [Конилов, 2007, с. 31, 46, рис. 50, 274]. Местные жители данные памятники осмысливают в своеобразном культурно-историческом контексте: «Это могилы наших предков времен Чингис-ханова-Мамаева побоища», — заявляют они. Удивительно, но эту веру поддерживают некоторые представители науки, вполне серьезно отождествляющие никем не исследованные археологические объекты вокруг астаны с курганами первых зрителей и их потомков. Разумеется, никаких объективных подтверждений этим беспочвенным фантазиям при этом не приводится [Бустанов, 2011, с. 54].

То, что культовый комплекс был включен в реальный исторический, в том числе политико-исторический, контекст, свидетельствует еще один уникальный источник. Речь идет о знаменитом атласе, созданном в 1697–1711 гг. картографом и историком С.У. Ремезовым — *Хорографической чертежной книге*. На листе 107 атласа изображено течение р. Ишим вблизи его впадения в Иртыш. На левом берегу неподалеку от Ишимского острога показан приток — река Урманка. Рядом изображено старичное озеро Баженово, а также имеются надписи «курганы» и «кладбище Она царя». И здесь же рядом с курганами и озером видно абсолютно четко читаемое слово «астана» под условным знаком, обозначающем кладбище (рис. 3) [The Atlas..., 1958, р. 107; Хорографическая чертежная книга..., 2011, т. 1, л. 107, т. 2, с. 120].

Рис. 3. Фрагмент листа 107 *Хорографической чертежной книги* С.У. Ремезова. На изображении левого берега р. Ишим отчетливо видна надпись «астана».

Е.М. Данченко, долгое время изучающий историю и археологию Красноярского археологического комплекса (городища Кызыл-Тура), высказал предположение, что рассматриваемый участок на карте Ремезова соответствует окрестностям современных деревень Ашеваны и Тюрмитяки (Оллы-бурень) Усть-Ишимского района Омской области [2008, с. 223]. Действительно, весьма вероятно, что речке Урманке на карте Ремезова соответствует левый приток Ишима — Вертенис на современных картах. Ближе к действительности у Ремезова расположение правого притока Ишима — р. Тавы, известной на современных картах под именем Большой Тавы.

Если эти отождествления верны, то оз. Баженово на карте Ремезова, рядом с которым находились курганы и загадочное «Кладбище Она-царя» (в другом картографическом труде С.У. Ремезова — *Чертежной книге Сибири* — это место отмечено как «*курган* Она-царя» [Чертежная книга..., 1882, л. 5]), есть не что иное, как оз. Оллы-бурень (Астана-бурень, Святое), давшее местное татарское название д. Тюрмитяки. Как мы видели, Тюрмитякская астана действительно расположена на кладбище и в ее окрестностях действительно имеются археологические объекты («курганы» по терминологии Ремезова).

Таким образом, астана неожиданно оказалась включенной в контекст политической истории сибирских ханств. В сибирских летописях Он-царь (хан Онсом) описывается как один из правителей ишимского ханства. Так, в *Истории Сибирской* С.У. Ремезова перечислены «имена самых первых верховных правителей басурманских: хан Онсом, кочуя по Ишиму, жив в устье Ишима реки, город <его> на Красном Яру Кызыл-Тура с тремя рядами укреплений; после хана Онсома — царь Иртышак <...> его завоевал Чингиз, царь Тюменский; после Иртышака — царь Саргачик был вплоть до Кучума, и того Кучум взял в плен» [Ремезов, ст. 12]. Хан Ансам (Онсом летописи Ремезова), сменивший на престоле Ишим-хана, глухо упоминается в сибирско-татарском дастане *Ильдан и Гольдан* [Тычинских, 2010, с. 34–35]. Карта Ремезова не только документирует астану у д. Тюрмитяки как один из наиболее ранних из зафиксированных источниками памятников сибирских татар, но и связывает ее с перипетиями ранней загадочной политической истории Сибири [Коблова, 2009].

Мифологическая сопряженность комплексов астана с теми или иными историческими событиями или персонажами является скорее правилом, нежели исключением. Особое место в этом плане занимает столь значимая для национального самосознания сибирских татар фигура, как Ермак [Корусенко, 2011]. Предания о Ермаке входят в фольклорный комплекс, сформировавшийся вокруг важнейших религиозно-культурных памятников сибирских татар — Баишевской астаны и Ташатканского камня [Селезнев, Селезнева, 2009, с. 347; Селезнев и др., 2009, с. 76, 117–118].

Проведенные в последние годы работы тюменских ученых позволяют продолжить этот ряд. Речь идет о локализации и историко-археологическом обследовании известной перекопи, где, по данным сибирских летописей, пал атаман Ермак со своими сподвижниками. Опираясь на анализ летописей, картографического материала и натурный осмотр местности, удалось произвести локализацию указанного географического объекта на левом берегу Иртыша ниже устья р. Вагай напротив деревень Яркова, Кобякская и Байгара в Вагайском районе Тюменской области. Рядом с перекопью находился искусственный холм или бугор. Согласно татарским преданиям, зафиксированным Г.Ф. Миллером, бугор этот был насыпан девушками, которые носили сюда землю в своих подолах. Холм так и называется — Кысым-Тура, т.е. Девичий город. Этот холм представляет собой надежный ориентир в поисках Ермаковой перекопи [Матвеев, Аношко, 2012]. В данной связи весьма интересно, что, согласно нашим полевым материалам, очень похожий фольклорный мотив связан с исламским святилищем сибирских татар — астаной. Название культового комплекса — *Кызлар-Тура* (Девичий город) или *Кызлар-Яр* (Девичий Яр). Он локализуется также на левом берегу Иртыша, правда несколько выше по течению, в районе д. Елань-Яр. По преданию, здесь было место захоронения девушек — дочерей исламских миссионеров. Девушки насыпали холмы, землю приносили в подолах своих платьев. С течением времени холмы становились все выше и выше. При прохождении мимо священного места, необходимо было бросить монету и совершить молитву [Селезнев и др., 2009, с. 124]. Можно предположить, что предание, связанное с Ермаком, было перенесено на местное исламское святилище, что способствовало повышению его социального статуса и сакральной силы.

Легитимация включенности в сферу священного. Везде и всюду легитимация притязаний элиты на связь с областью сакрального осуществляется либо созданием длинных генеалогий (иногда в виде цепи духовной преемственности), восходящих к святому (перво)предку; либо апелляцией к сакральным текстам, содержащим обоснования таких притязаний. В нашем случае налицо оба варианта.

Согласно полевым материалам, на тюрмитякской астане похоронен шейх Бигач-Ата. Он прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Прибывшим религиозным миссионерам приписывалась культурная функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выращивать картофель и т.д. Кроме того, до 1990-х гг. в деревне, чаще всего у муллы, хранился и передавался из поколения в поколение деревянный жезл, который называют

сэцэра (букв. «родословная», на такие жезлы действительно наматывали свитки с рукописными текстами) или *укляв* (скалка). Предмет представлял собой деревянный цилиндр с двумя ручками и был украшен орнаментом. Считалось, что жезл первоначально принадлежал Бигач-Ата и хранил на себе его дуновение. Наши информаторы вспоминали, что долгое время хранителем жезла и одновременно смотрительницей за астаной — *астана-караулце* была бабушка Айни. После ее смерти в 1964 г. жезл перешел к мулле Вагапу Назырову. Когда он умер в середине 1990-х гг., в соответствии с решением родственников жезл был положен в могилу мoulлы.

Упомянувшийся информаторами свиток *сэцэра*, видимо, представлял собой рукопись, содержащую обстоятельства исламизации Сибири и списки святых мест. Такие сочинения были широко распространены в сибирско-татарской среде. В этих источниках, кроме прочего, содержатся каталоги священных могил. Во всех рукописях такого рода есть сведения о Тюрмитяжской астане. Так, согласно *Тобольской рукописи*, опубликованной в начале XX в. Н.Ф. Катановым [1904, с. 24–25], а затем прокомментированной в наше время [Бустанов, 2009, с. 214–222; 2011, с. 60–69], «в устье Ишина (Ишима. — А. С.), в ауле Уллу-Бурани (Оллы-бурень. — А. С.) — астана Бигач-аты. Бигач-ата из потомства мавлави Джамии. <...> Его спутники лежат возле озера с тремя камнями». В открытой нами в ходе экспедиции 2004 г. и переведенной профессором Ф.З. Яхиным *Карагайской рукописи* содержится следующая информация: «На Устье-Ишин (Ишин-Тамак) — Бигач-Ата учитель, из потомков Мавлави Джамии, со спутниками (женами) вместе, с надголовными (надгробными) камнями, лежат на берегу озера» [Селезнев и др., 2009, с. 193–202, 205]. Зафиксированная в том же году тюменскими исследователями *Грамота хранителя Юрумской Астаны* повествует, что «в местности Приишинья (Приишимья. — А. С.) Уллу-Бурани (Оллы-бурень. — А. С.) могила Бигач ата шейха газиза, он был из потомков Мавляна Джалалидина» [Рахимов, 2006, с. 14].

Но, пожалуй, наиболее важное открытие, связанное с тюрмитяжским культовым комплексом, было сделано буквально в последние годы. Оказалось, что в самом ауле Оллы-бурень существовала собственная традиция создания сакральных текстов. Один из таких списков, по видимому вариант упомянутого нашими информаторами свитка *сэцэра*, был обнаружен в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Название списка — *Аш-шаджарат ал-авлия' мин билад Мавара'аннахр — Родословная святых из страны Мавара'аннахр*. Переписчиком являлся местный мoulла 'Абд ал-Гани сын Му'мина. По структуре текст похож на аналогичные документы сибирских татар. В традиционном каталоге святых могил среди прочих указан «в устье Ишима, в юрте Уллу-Бурян, — Бигач-Ата-шайх. Из потомков господина Джалад ад-дина. В ногах <у него> лежат три камня. Один камень всегда перемещался (букв. совершал прогулки)» [Бустанов, 2009, с. 201]. Обратим внимание на практически дословное совпадение современных фольклорно-этнографических материалов с текстом приведенного письменного источника. Особенно это касается архетипически важного мотива бродячего камня.

Тюрмитяжскому святилищу отводится особая роль в суфийской ритуальной практике. Источник излагает цепь духовной преемственности (*силсила*) «почтенного» Бигач-Ата, приуроченную именно к «юрту Турмадак»: «Еще в юрте Турмадак хазрату Бигач-Ата лучинку (*чирог*) зажгли мы, жалкий бедняк из Туркестанской земли (*вилайат*), Афтал-шайх. По священному разрешению (*рохсат*) моего брата мoulлы Джалад ад-дин-шайха из Досточтимой Бухары я пришел в Сибирскую землю (*вилайат*), пройдя много стоянок (*мэра-хэллер тай килиб*). В упомянутом юрте Турматак впервые лучинку (*чирог*) зажег покоящемуся хазрату Бигач-Ата я, Афтал-шайх. Еще сын Афтал-шайха — Муса-шайх лучинку (*чирог*) зажег. Его сын Булуб-Берди-шайх. Его сын Алулкуш-шайх. Его сын — Бари-Мухаммад-шайх <...>» и т.д. [Бустанов, 2009, с. 202].

В этом же источнике помещена подробная генеалогия, насчитывающая 17 поколений и недвусмысленно заявляющая свои права на «героическое» прошлое: «...в этих аулах Турматак и Таутамак были со времен царя Кучума наши предки...». Разумеется, такие декларации нельзя воспринимать буквально и искусственно удревянять аж до XVI в. время составления текста, как это делает А.К. Бустанов [Там же, с. 207, 212], принимающий на веру подлинность легендарной по своему характеру генеалогии. Исходя из очень высокой степени близости фиксируемых в наше время фольклорных мотивов, с одной стороны, и содержания письменного источника (например, об уже упомянутом сюжете «бродячего камня») — с другой, можно сделать вывод о том, что текст составлен относительно недавно, возможно двумя-тремя поколениями ранее даты рождения самых пожилых наших информаторов. Текст, видимо, создавался в ту пору, когда границы сакрального пространства в представлении автора уже в значительной мере сузи-

лись. Так, ему не было известно о распространении священных захоронений по Иртышу выше Усть-Ишима («...от устья Ишима до верховий Иртыша <могил> святых нет...» [Бустанов, 2009, с. 200, 204–205; 2011, с. 41]), хотя в реальности такие памятники существовали и продолжают почитаться доныне [Селезнев, 2012].

В этой ситуации нарочито «длинная» родословная была призвана упрочить притязания формирующейся религиозной элиты на духовное наследие в рамках конкретного локального сакрального пространства. Той же цели служат упомянутые в качестве духовных учителей крупнейшие религиозные авторитеты: основатель ордена Маулавийа Джалал ад-дин Руми (1207–1273) и великий персидский поэт и философ-мистик Нур-эд-дин 'Абд-р-Рахман Джами (1414–1492) (о них см. подробно [Кныш, 2004, с. 178–187]). Через приобщение к сфере сакрального происходило формирование новой духовной элиты и новых культурно-религиозных идентичностей.

В целом, оценивая методологическую значимость рассмотрения исламских святынь тоболо-иртышских татар как иеротопий, следует констатировать перспективность принятого подхода. Во-первых, он открывает возможности широкого источниковедческого и дисциплинарного синтеза, комплексного использования разнообразных данных в рамках единой проблемы изучения сакрального пространства. Во-вторых, он позволяет ставить вопрос о типологическом соответствии иеротопий, характерных для традиционного и современного общества. Парадоксально, но чрезвычайно архаичные мифологические мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос ревитализируются в настоящую эпоху кризиса традиционных духовных ценностей, бурного всплеска иррациональных и мистических настроений. Эти мотивы без труда обнаруживаются в мифологии новых российских иеротопий: Аркаима, скифских памятников Укока, деревни Окунево Муромцевского района Омской области, Города Солнца в красноярской тайге и т.п. (подробнее см.: [Селезнев, 2011, с. 128–135]). В-третьих, данный подход открывает дополнительные перспективы рассмотрения сакрального пространства в качестве важного фактора формирования национальной и культурной идентичности, реализующейся в данном случае в усилении влияния как самих исламских святынь, так и представителей религиозной элиты с ними связанных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: Туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Издат. дом «Наука», 2009. С. 195–230.
- Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сб., 2009–2010. М.: Вост. лит, 2011. С. 33–78.
- Виноградов В.В., Громов Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // ЭО. 2006. № 6. С. 125–143.
- Данченко Е.М. К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: Издат. дом «Наука», 2008. С. 221–223.
- Данченко Е.М. Карты Ремезова и фольклор // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издат. дом «Наука», 2010. С. 45–49.
- Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.
- Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. 28 с.
- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб: Диля, 2004. 464 с.
- Коблова Е.Ю. У истоков становления дорусской государственности в западносибирском регионе: Отечественные исследователи о «царстве» на р. Ишим и его правителях // Тюменский исторический сб. Тюмень: ТюмГУ, 2009. Вып. 12. С. 18–24.
- Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях: Систематика. Исследование. Тексты. Омск: Издат. дом «Наука», 2006. 460 с.
- Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ИД «Наука», 2007. 466 с.
- Кореньяко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. М.: Гендальф, 2000. С. 34–52.
- Корусенко С.Н. Кучум и Ермак в устной истории татар Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 228–234.
- Лидов А. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009. 352 с.

Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства...

Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 2. С. 275–281.

Миков Л. Култова архитектура и изкуство на хетеродоксните мюсюлмани в България (XVI–XX век). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. 579 с.

Ожередов Ю.И. К семантике камня в ритуальной практике сибирских татар: (К постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Издат. дом «Наука», 2006. С. 226–228.

Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: Мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Печатник, 2006. 76 с.

Ремезов С.У. История Сибирская [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.remezovi.ru/biblio/history/history_remezov_nov.htm.

Селезнев А.Г. Старые и новые иеротопии Сибири: Технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: Межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск: Полигр. центр КАН, 2011. С. 123–136.

Селезнев А.Г. К распространению исламских сакральных комплексов Сибири: Астана деревни Лугово-Аевск Тевризского района Омской области // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. II. С. 58–61.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. ТюрмITYакская астана: (К изучению культа святых в сибирском исламе) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 367–370.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сб., 2007–2008. М.: Вост. лит, 2009. С. 338–359.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: Социальные и символические функции // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 216–229.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М.: Издат. дом «Марджани», 2009. 216 с.

Трепавлов В.В. Сакральная топография Улуса Джучи // ЭО. 2011. № 2. С. 107–115.

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т. 1: Факсимиле. Т. 2: Исследования, текст, научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 692 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882. 26 л.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata // Journ. of Islamic Manuscripts. 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 70–99.

Lifchez R. The Lodges of Istanbul // The Dervish lodge: architecture, art, and Sufism in Ottoman Turkey. Berkeley: Univ. of California Press, 1992. P. 73–129.

Seleznev A., Selezneva I. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions // Communities, Institutions And Transition In Post-1991 Eurasia. New Delhi: Shipra Publications, 2011. P. 425–435.

Şimşekler N. The Spread of The Mawlawiyya and The Reasons for Its Spread in The Aegean Region in The XVIth Century // Journ. of Rumi Studies. 2007. N 1. P. 143–158.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow // Imago Mundi. Suppl. 1. S-Gravenhage: Mouton, 1958. 188 p.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН
seleznev@hist.omsu.omskreg.ru

The article effects investigation methods regarding traditional Islamic astana sanctuaries of Siberian Moslems as hierotopies. Subject to discovery being factors and conditions of developing sacral spaces. By the example of one of the most striking Siberian Moslems' sanctuaries of the Tyurmityak astana, the author attempts to analyse such components of hierotopy as development of sacral space, creation of the local world, connection of times and generations, legitimization of inclusion into a sacral sphere.

Siberia, Islam, cult complexes, hierotopy, Tobol-and-Irtyshtartars.